

ТЕАТР

«ВАРШАВСКАЯ мелодия» в театре имени Евг. Вахтангова — поистине актерский спектакль. В просторе сцены, в ее обнаженности, в воздухе ее, сгустившемся и прозрачном, — эти двое. Все для них. Время отдано им до последнего мгновения. И наши глаза, и уши, и души. Волны музыки (отлично играет Шопена лауреат международного конкурса Бела Давидович) обтекают их, дарят им счастливые минуты душевной тишины и сосредоточенного вслушивания в себя.

Слова написаны драматургом для них. Искусство старейшего и одного из самых талантливых наших режиссеров растворено в них. Даже фурни-декорации отъезжают куда-то в бок, в кулисы, чтобы оставить их наедине.

Ничто не должно мешать им. Ибо в них обоих — юной варшавянке Гелене и русским парне, вчерашнем фронтовике Викторе свершается великое чудо — обыкновенное чудо любви.

Через десять лет, встретив ее случайно — потому что случай, служебная командировка привела его в Варшаву, и совсем не случайно — потому что через два часа по приезде он уже не мог не звонить ей, он спросит: *Счастье... что это?* А она ответит: *Счастье, это когда не надо спрашивать о счастье... И будет в ответ усталость, спокойствие безнадёжности, трудно давящая привычка не ждать, не верить, горечь давнего воспоминания о том времени, когда они не спрашивали. — просто были счастливы.*

Весь первый, длинный, оставляющий ощущение прозрачности и сияния акт спектакля; весь год — единственный и, как окажется позже — через десять лет, через двадцать лет, — главный и бесценный год их жизни, — они любили.

Ее играет народная артистка республики Юлия Борисова. Играет ее любовь — и целую жизнь, потому что между началом и концом спектакля проходит 20 лет.

Сначала это девочка, семнадцатилетняя, двенадцатилетняя. Угловатая, в будущем, единственном на все первое действие платье, к

Гелена — Ю. Борисова, Виктор — М. Ульянов. Фото А. Gladштейна.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО ЛЮБВИ

которому в новогоднюю ночь она приколет цветы. Но в самой хрупкости ее, в том, как решительно и смело поднят точеный подбородок, в этой косице, венчающей грациозно посаженную голову, угадывается будущая горделивость, царственная женская стать.

Стихия женственности захватит нас, причудливое и богатое смещение иронии, нежности, озорства, вдруг набегающих слез и радостного, доверчивого ожидания счастья, беззащитности, слабости — и силы, и страсти души... Исполнение одухотворенное, почти исповедническое своей открытостью, сильным и ясным звучанием какой-то очень личной, очень собственной темы.

Борисова лепит характер национальный, играет «варшавянку», «гордую польку», которая и в единственном платье чувствует себя королевой, которая несет любовь в себе и любовь к любимому как благословенье, как бесценный дар.

Актриса выступает как достойная представительница вахтанговской школы, владеющая трудным искусством отточенной и совершенной формы. Богатство интонаций, текучая и разнообразная смена их дополняется, а иногда и перекрывается таким же богатством

пластики, жеста, мимики. Роль абсолютно лишена приблизительности, так называемого «общего тона».

А как точно соблюдены ее ритмы Порывистые, ломкие, будто озорующие вместе с героиней — вначале; смелые, широкого дыхания, широкого рисунка — в середине спектакля, в момент его величайшего драматического напряжения, когда вернулась надежда и пусть на один вечер, но любимый человек опять рядом: и профессионально — элегантно, привычно элегантно, сдержанные, даже чуть скованные, словно она замерзла, застыла в своем открытом, прелестном концертном платье, — ритмы усталости в финале.

В них больше даже, чем во внешнем облике героини, в ее интонациях, ставших вкрадчивее и ровнее, потерявших былую непосредственность и звонкость, — ощущение перемен, ощущение невозвратных потерь, утрат, минувшего времени.

Автор — Леонид Зорин находит именно те слова (настолько «те», что они кажутся единственно возможными), чтобы сказать о вечных ценностях человеческой жизни, о щедрости жизни, которая дает людям юность, веру, любовь, верность, память.

Режиссер Рубен Симонов

самозабвенно работал с актером (а мы были свидетелями и других созданий этого великолепного мастера, мастера режиссуры подчеркнутой, обнаженной), видит на этот раз свою цель в том, чтобы помочь исполнителям ничего не утратить, не расплескаться из того богатства чувств, которое содержится в пьесе.

И все-таки о чем она?

О времени, ушедшем и так трагически сказавшемся на судьбе наших героев? (Был такой закон после войны, запрещающий советским юношам и девушкам вступать в браки с иностранцами). О вине слишком быстро смирившегося героя, о победившей привычке подчиниться правилу, приказу, а потом уже — когда и самый закон не существует — инерции правила и приказа? (Исполнение Михаила Ульянова, отличного и умного актера, на этот раз вызывает массу самых противоречивых суждений. Нам кажется, что роль не совсем в возможностях актера, не совсем соответствует его художественной индивидуальности).

А может быть, пьеса еще и о том, что время подвигов во имя любви, противоборства обстоятельствам, время упорной памяти, верности, которую можно хранить, пронести через всю жизнь, и это время не может миновать сегодня, как не миновало вечно?

Можно толковать, решать и так и этак. Пьеса дает и ту, и другую, и третью возможность. И все-таки кажется нам, что стержневая, главная мысль ее и особенно спектакля вахтанговцев объемней, общезначимей и шире. И проводит эту мысль через спектакль кровно заинтересованно, страстно, целеустремленно именно Борисова.

Естественное, законное, принадлежащее каждому человеку право быть счастливым. Потому так естественна и полна жизни ее Геля, только что познавшая чудо людей; и такая оцепенелость, и безжизненность, и прочная усталость в прелестной женщине в конце спектакля, женщины, из жизни которой ушла, была вырвана, исключена любовь.

Человек — рождается для счастья. Гуманную, человеческую мысль эту утверждает спектакль вахтанговцев.

В. МАКСИМОВА.